

1. Биржевая “рулетка” со смертельным исходом

Думал ли Пушкин, создавая образ Германна из “Пиковой дамы”, возжелавшего мистически разбогатеть на игре, а вслед за ним и Чайковский, придавший своей музыкой этому образу ореол особой трагичности, что их творения будут сверхактуальны и почти два века спустя. Вряд ли игроков в карты и в рулетку в наше время стало меньше, чем во времена Александра Сергеевича и Петра Ильича, но им и не снилось, что азартные игры когда-нибудь на волне компьютерных технологий втянут в свою орбиту, иногда, увы, смертельно опасную, огромное количество молодых и не очень молодых образованных людей, занятых на рынке ценных бумаг. Людской порок, связанный с желанием разбогатеть быстро и не особенно себя утруждая, никуда не делся в “светлом будущем”, за которое в России было пролито особенно много крови. Изменилось только содержание, а сам порок, которым издревле считались азартные игры, распространённый, но осуждаемый, превратился в достаточно престижную профессию. Но судьба несчастного Германна нет-нет, да и получает новое трагическое звучание на “сцене современной жизни”. Жаль только, что с уходом предыдущих поколений талантливых поэтов и драматургов от Пушкина, Чехова до Вампилова, Розова, Володина и Гуркина некому воплотить эту и другие сегодняшние, животрепещущие темы на современной театральной сцене или в кино. Вот и приходится сегодня, в 2016 году, смотреть убогие сериалы с однообразным сюжетом или насквозь пропахшие нафталином спектакли прошлых времён.

Сегодня, увы, новые явления в жизни общества толком не изучаются и не анализируются ни средствами искусства, ни наукой. Либо остаётся предположить, что подобные исследования остаются недоступными обществу, как и огромный пласт национальной культуры, игнорируемый средствами массовой информации. Кто, кроме специалистов, знает сейчас имена ведущих академиков? А ведь ещё в начале горбачёвской перестройки на весь мир звучали имена Леонида Абалкина, Абега Аганбегяна и других. Академик А. Г. Аганбегян был настолько популярен, что с ним встретились даже легендарная премьер-министр Англии Маргарет Тэтчер. Сегодня же общественные науки не востребованы. Более того, академики и членкоры высшим руководством страны изгоняются, например, из ФСБ и с государственной службы, что никак не способствует престижу науки и учёных. “Гениальные управленцы”, члены правительства, в котором очень уютно жили-поживали не один год ныне

арестованный министр экономического развития Улюкаев и ставший притчей во языцех бывший министр обороны Сердюков, считали и считают, что они и “сами с усами”. Но даже и в прежнюю, “наукоуважительную” пору, академик Аганбегян не раз сетовал, что мы очень плохо знаем общество, в котором живём. Сегодня мы уже и не стремимся его узнать. Уверен, что нигде не найти статистику самоубийств и убийств на поприще бизнеса, а уж жертв от азартных игр, в том числе на рынке ценных бумаг, и подавно. Но, думаю, была бы она удручающей. Во всяком случае, я знаю не одну историю с печальным и даже фатальным концом, где главными героями стали мои знакомые и приятели, не удержавшиеся в тихой заводи спокойных игр и сорвавшиеся в пучину штормов безудержного азарта.

Как-то в середине 80-х теперь уже прошлого века я познакомился с родственниками жены, заехавшими к нам на дачу попрощаться перед эмиграцией в Америку. Тёща доводилась двоюродной сестрой старшему из отбывающих — Иосифу, а значит, тётей его молодому и обаятельному сыну Михаилу, который недавно окончил медицинский институт и ординатуру. Его умные еврейские глаза светились счастьем дальнего путешествия и романтических перемен в едва начавшейся самостоятельной жизни с молодой женой, тоже медиком, и маленьким сыном. Глядя на них, я размышлял, почему мой отец и дядя, евреи по национальности, никогда в жизни не заговаривали на тему эмиграции, хотя и у них некоторые друзья укатили и в Израиль, и в Америку. Очевидно, дело в том, что все лишения, связанные с раскулачиванием близких и недоеданием, были пережиты ими ещё в раннем детстве, так что последующая жизнь воспринималась как уверенное восхождение если не к коммунизму, то в озарённые солнцем дали. Они ценили, что им, баргузинским парням из ограбленных в 20-х годах семей золотопромышленников, советское государство предоставило возможность получить бесплатное высшее образование, да ещё и не одно, стать успешными и весьма уважаемыми руководителями крупных предприятий. Они были тысячами нитей связаны и со своими многочисленными коллективами, и с коллегами, и с органами власти, и поэтому мысли не допускали, чтобы бросить дело и “освящённые” кровью революции и двух войн красненькие книжицы — партийные билеты, а главное, людей, с которыми буквально сроднились за годы работы. В их понимании это было бы дезертирство. Слово “Родина” для них — истинных сибиряков, участников войны и военного тыла — не было пустым звуком.

Иосиф же — отец Михаила — был высококвалифицированным специалистом, но по рабочей специальности, кажется, токарем. Опытные рабочие за границей востребованы. А кроме того, у рабочих нет таких прочных социальных связей, как у моего отца Владимира Яковлевича — многолетнего директора “Иркутского мясокомбината” — и его брата Леонида Яковлевича — первого заместителя генерального директора крупнейшего предприятия области Ангарской нефтехимической компании. И хотя до отца с дядей в 70-х, 80-х годах мне было ещё ой как далеко, но всё же в 24 года я стал самым молодым и притом весьма успешным начальником цеха на оборонном предприятии — Иркутском заводе радиоприёмников им. 50-летия Октября. Поэтому и у меня, и у моего двоюродного брата Виктора Серёдкина — молодого руководителя в строительстве — также не возникало мысли бросить хоть и не лёгкое, но серьёзное и интересное “Дело” с большим количеством если не друзей, то приятелей и сослуживцев. О том, что профессия руководителя соцпредприятия в отличие от квалифицированных рабочих вряд ли “конвертируема” на Западе, мы не думали. Так далеко у нас, молодых и успешных, мысли не убежали. Но это не означало отсутствие доброй зависти к тем, кто готов был фантастически круто повернуть колесо собственной судьбы и умчаться за тридевять земель, за моря и океаны, как в добрых детских сказках. Не возникало таких мыслей и в лихие 90-е годы, когда наш уродливый капитализм набирал обороты под бандитским прицелом собственных и особенно чеченских группировок, а также не сумевших перестроиться и постепенно теряющих силу грузинских воров в законе. В опасную орбиту предпринимательства в ту пору втягивались всё новые и новые пассионарии.

Первопроходцами по джунглям капитализма стала наиболее активная и рискованная молодёжь, часто с хорошим образованием, иногда с богатым опытом комсомольской или даже партийной работы и обязательно с предпринимательской жилкой. Выходцев с социалистических предприятий, где я от-

работал к тому времени около 20 лет, среди предпринимателей было очень немногo. Основная причина в том, что подавляющее большинство таких руководителей замыкалось на внутривзаводском общении. Они совершенно не были знакомы с внешним миром, с его нерегламентированными, в отличие от предприятий, связями, с ведением финансовых дел, бандитскими и полицейскими “крышами”. Совершенно не похож на потенциального предпринимателя был и отправляющийся в Америку Михаил.

Какого же было наше удивление, когда спустя пять лет в следующий приезд Иосифа мы узнали от него поразительную новость об успехах сына на вольном рынке ценных бумаг. Было это уже в конце 80-х. Тогда я как раз подходил к мысли о собственном бизнесе, и мне было весьма интересно поговорить о зарубежном опыте. За несколько лет Иосиф стал заправским американцем, во всяком случае, в наших, не особенно искушённых, глазах. Его приезд совпал с началом освоения им неизведанной, но интересной и небедной жизни американского пенсионера. Выглядел он моложе, чем когда заглядывал к нам откланяться лет пять назад. Держался Иосиф вполне уверенно, даже с некоторым апломбом, с большой любовью и благодарностью говорил об Америке и со знанием дела о бизнесе сына. Кроме неплохой даже по американским меркам заработной платы, несколько лет назад ему выплатили сотни тысяч долларов за небольшую травму, полученную по вине администрации предприятия. Но главной его гордостью, конечно, были успехи сына, переквалифицировавшегося из медика в брокера, активно работающего на рынке ценных бумаг. Иосиф с удовольствием показывал фотографии нового дома семьи Михаила с бассейном и приусадебным участком, с милым и разнообразным детским городком. Но более всего впечатляло не проходящее со временем отъезда ощущение неподдельного счастья на семейных фотографиях Михаила. Успех этого юного медика, может быть, и стал последней каплей в чаше моих раздумий по поводу открытия самостоятельного бизнеса.

Иосиф рассказал о сложностях изыскания средств на брокерские курсы для Михаила, об удачно найденном месте работы в одной из брокерских контор, попутно заметив, что подтвердить квалификацию врача, с российским дипломом и полным неумением работать с современной диагностической аппаратурой, ещё дороже и сложнее. Через несколько лет брокерской работы “на дядю” Михаил начал мечтать о собственном деле. Но всё упиралось в сумму начального капитала. “И здесь не было бы счастья, да несчастье помогло, – вспомнил Иосиф русскую поговорку. – Я получаю производственную травму – перелом руки – и немалую страховку. Большую часть её я отдал на удачу сыну. С этих-то средств и началось его восхождение к американской мечте”. Видно было, как Иосифа переполняет гордость за сына и за удачу, которую принесли его страховые деньги.

Наша тёплая встреча проходила на уютной веранде недавно перестроенной дачи, утопающей в садовых цветах, которые были нашей скромной гордостью, в сиянии безоблачного, но не очень жаркого летнего дня, сеющего вечные, как сама природа и людское счастье, отблески солнца по уходящему вдаль иркутскому морю. Нелепыми в этот момент казались буддистские мысли из недавно прочитанной книги о том, что человек рождён для страдания.

В завершение встречи Иосиф эффектным жестом фокусника вынул буквально из кармана несколько небольших тряпиц, по объёму похожих на шелковые платочки. Мы поблагодарили и подарили ему и Михаилу нефритовые изделия с наивным наказом изучить конъюнктуру в Америке с тем, чтобы организовать поставки от фирмы “Сибтонар”, в которой до октября 91-го года я ещё оставался заместителем директора. После расставания с гостем мы внимательно посмотрели на тряпицы. Они оказались нарядными платьями из поразительно тонкой ткани.

Вскоре позвонил из Америки Михаил, поблагодарил за очаровательные изделия и пригласил нас в гости на его новую родину. Мы отшутились, что прилетим, как только заработаем на нефритовых поставках. Звонок этот был в самые последние дни лета, которое не спеша собиралось переключиваться от нас в южное полушарие.

Кто бы мог подумать, что последними были не только дни лета, но и звонок Михаила. Примерно через месяц, уже слякотной осенью 1989 года, мне передали “Комсомольскую правду” со статьёй “Наши в Америке”, где рассказывалось о зверском убийстве предпринимателя Михаила. Убили его наши

эмигранты. Им не давал покоя блистательный успех земляка. И они настояли на том, чтобы он и им приобрёл ценные бумаги, обещающие быстрый успех. Не знаю, разъяснял ли Михаил заказчикам быстрого богатства, что ставки на большой успех сопряжены с немалыми рисками, что рисковать можно только небольшой частью своих сбережений, которую в случае проигрыша жаль, но не смертельно. Или же и он находился в эйфории от собственных достижений и, уверенный в своей прозорливости и безотказном чутье, взял деньги без “лишних” разговоров, а кусающиеся, иногда и до смерти, законы рынка начал объяснять уже после того, как их деньги превратились в сладкие воспоминания, в умершие надежды, и в безысходную тоску, которая толкает на преступление. Какой состоялся между ними диалог, теперь уже никогда не узнать.

Прошло несколько лет с момента гибели Михаила. Мы позвонили Иосифу, чтобы высказать соболезнования по поводу скорбной даты, но оказалось, что он ненадолго пережил катастрофу. Его жена рассказала, что Иосиф страшно корил себя и за то, что был инициатором переезда в страну, где, как гласила реклама, для всех равные возможности, но, увы, как оказалось, не только на успех и счастливую жизнь, но и на гибель. Не мог он себе также простить, что поторопился дать деньги Михаилу на самостоятельное ведение бизнеса. Нервы и сердце любящего родителя не вынесли глупой и трагической гибели единственного сына, попавшего в цунами азартных игр.

В 89-м году мне ещё наивно казалось, что такие убийства — это чисто американский почерк, уж у нас-то всё будет по-другому. Но оказалось, что когда рушатся вековые устои, а вслед за ним и само великое государство СССР, время как будто взрывается, а вслед за ним вырывается с корнями и летит в “тартарары” нравственность народа. Вчерашние коммунисты и комсомолцы вмиг превратились в своих классовых антиподов — в капиталистов, а у кого не получилось — в их ярых помощников. Через год стабильное или, как его называли, застойное государство стало похлеще, чем “дикий запад” в эпоху первичного накопления. Вряд ли есть какая-либо сравнительная статистика, но, думаю, в 90-х годах по степени дикости нашей второй революции, которую только идеологические лжецы называют “бескровной”, мы оказались впереди планеты всей. Жаль, что на долгие годы, если не навсегда, преступность стала единственным “достижением”, по которым Россия обогнала Запад. Даже по общим демографическим показателям смертности, убыли населения и падению продолжительности жизни проглядывает весь кровавый ужас горбачёвско-ельцинской перестройки.

В памяти ещё были живы безответственные заверения главы СССР Н. С. Хрущёва, сделанные им в конце 50-х годов во время первого после революции визита в Америку. Наш лидер пообещал, что в ближайшую семилетку мы обгоним США по всем основным показателям, в том числе по уровню жизни, и помашем Западу ручкой, уходя далеко вперёд. Вперёд мы, действительно ушли, но, к сожалению, не по тем показателям. Даже нашего российского еврея Михаила, сбежавшего от перестройки и убитого соплеменниками, следует записать на счёт нашей “бескровной” революции. Об ужасе перестройки буквально вопиет демографическая статистика. В 1991 г. смертность в России впервые за мирные годы последнего столетия превысила рождаемость. Например, в 1994 г. родились 1 млн 420 тыс. россиян, а умерли 2 млн 300 тыс. Убыль населения в один только ельцинский год больше численности такого немалого города, как Иркутск. Средняя продолжительность жизни при Ельцине снизилась со средних 69 лет при советской власти до 64 в 90-х годах, а разница между продолжительностью жизни мужчин и женщин в ельцинские годы достигла своего печального и мирового, и российского рекорда в 13,6 лет. У женщин она составляла около 71 года, а у мужчин — 57 лет. Причём, в ельцинскую пору вакханалии оба показателя страшней, чем в горбачёвскую. В целом же цена “бескровной” перестройки оценивается в ельцинский период примерно в 7 миллионов прямых потерь населения, что много больше, чем в годы сталинских репрессий, и равно 50% потерь россиян в годы Великой Отечественной войны. При этом “добрая” статистика не учитывает страшную судьбу 25 миллионов бесправных русских, брошенных Ельциным в бывших советских республиках.

Но вернёмся к “казино” ценных бумаг. Михаил стал далеко не единственной жертвой “бумажного” рынка среди моих знакомых. Хотя бумаги — не вазовские автомобили, большую часть которых в 90-х годах распределяли бандиты.

Торгуются бумаги вроде бы солидно — на биржах, размножившихся у нас на самой заре возрождения капитализма, “как грибы после дождя”. В 90-е годы в каждом городке у нас кипела “работа” в своих пародийных биржах и биржевых союзах, но как далеко им было до западных бирж даже 20-х годов, талантливо показанных Теодором Драйзером в его знаменитой трилогии. Главный герой трилогии — успешный Каупервуд, активно манипулируя ценными бумагами, разоряет конкурентов, но при этом делает “Дело”, строит трамвайные пути, а позже — лондонское метро. Уже в ту эпоху он убивал конкурентов не физически, как у нас, а только финансово. Наша деградация нравов шагнула далеко вперёд даже по сравнению с диким Западом.

За внешней респектабельностью бирж скрывается нечто, отличающее этот вид бизнеса от любого другого. Это нечто выдаёт язык. Только к этому виду бизнеса намертво пристало не самое респектабельное слово, когда речь идёт не о детских, а о взрослых делах. Слово это — “игра”. С этим словом связаны такие устойчивые словосочетания, как “игра на бирже”, “игра на повышение и на понижение”, причём двум последним играм соответствуют и вообще звериные оскалы “медведей” и немилосердные рога “быков”. Ну, а где игры, там естественно присутствует элемент лотереи — можно выиграть, но можно проиграть и даже доиграться. Последнее звучит особенно предостерегающе, если не сказать зловеще.

2. “ГУЛаг” для беглых банкиров

Довелось мне быть свидетелем и, к сожалению, участником ещё одной, если не трагической, то весьма драматической истории в азартных рыночных играх. Крыло перелётной, легко меняющей окраску жар-птицы удачи, или чёрной, как ворон, птицы несчастного проигрыша, накрыло семьи двух моих давнишних приятелей. Стаж дружбы Эдуарда и Вадима исчислялся уже не одним десятилетием. Их жёны были не только подругами, но и двоюродными сёстрами, семьи связывало большее, чем просто дружба.

В юности, сразу же после окончания Иркутского института народного хозяйства, или “Нархоза”, как сокращенно его именовали в ту пору, Эдуард поступил в аспирантуру и защитил диссертацию по макроэкономике капитализма. Немалое внимание в диссертации было уделено биржевой игре. Это и стало его профессией на всю жизнь и вскоре, в самом начале перестройки, принесло первый, достаточно лёгкий и быстрый миллион долларов. Начало девяностых годов он встретил во всеоружии теоретической подготовки, преподавая в институте, но главное, подрабатывая в небольшом иркутском банке и брокерской конторе, созданной совместно с директором и с заместителем директора банка. Руководители банка были также кандидатами экономических наук, но на 3–4 года старше Эдуарда. Банковская деятельность у них не занимала много времени. Банкирами они были хоть и весьма успешными, но всё же наёмными. Куда активней кипела работа в их личной брокерской фирме. Ходовым товаром в начале 90-х годов в наших краях были постоянно возрастающие в цене акции Иркутскэнерго, которые даже именовались в ту пору, на манер казино, “фишками”, хотя и голубыми. Их цена в отдельные годы поднималась в разы. Но чтобы хорошо заработать на акциях, нужны немалые оборотные средства. А откуда им взяться? Вчерашним аспирантам на выручку приходил “их” банк, а потому у них не было проблемы ни с кредитами, ни просто с прокручиванием банковских средств в выгодном для себя русле.

Другим весьма выгодным товаром в ту пору были пакеты приватизационных чеков, которыми осыпавший население России на заре либеральной перестройки непотопляемый Анатолий Чубайс. Каждый взрослый человек получил по одному чеку, номинал которого равнялся его доле в накопленной более чем за 70 лет общенародной собственности великой страны. При раздаче чеков Чубайс и его команда, включающая бывшего зав. отделом журнала “Коммунист” и будущего премьер-министра Е. Т. Гайдара, в содружестве с американской консалтинговой компанией Vain&Co, представленной консультантами во главе с будущим кандидатом в президенты США на выборах 2012 года Миттом Ромни, обещали, что через не очень продолжительное количество лет на каждый чек можно будет приобрести автомобиль. Но искушённый советский человек считал это такой же сказкой, как обещание главы СССР 50–60-х годов Никиты Сергеевича Хрущёва завершить строительство коммунизма в 80-х

годах. А при коммунизме, учила партия, не будут обесцениваться по потребностям, а значит, и автомобили должен получить каждый желающий. Но поскольку, вместо обещанного коммунизма, в 80-х годах перешли к скуднейшему распределению основных продуктов питания по талонам, как во время войны, то вера народа в правительственную болтовню была подорвана. Позже традицию мегаобмана продолжил и первый президент России Б. Ельцин. Это он заявил накануне дефолта на всю страну, что с рублём ничего не произойдёт, можно не волноваться и спать спокойно: “Девальвации рубля не будет. Это твёрдо и чётко. Моё утверждение – не просто моя фантазия, и не потому, что я не хотел бы девальвации. Моё утверждение базируется на том, что всё просчитано. Работа по отслеживанию положения проводится каждые сутки. Положение полностью контролируется”.

Никто не удосужился хотя бы примерно подсчитать цену безответственности ельцинского заявления. Сколько жизней унёс одномоментный дефолт с возросшими на 300–400% за одни сутки долгами тысяч, а может быть, и миллионов предпринимателей и “челноков”, косящихся с баулами по всему миру. Сколько из них обанкротилось и было застрелено в ходе кровавых долговых разборок тех лет. Думаю, что “жатва” была много больше, чем в афганской войне. Вот только нет обелисков жертвам ельцинского обмана. Может быть, из соображений маскировки “бескровности” развала и боится правительство развивать общественные науки.

Вскоре один ваучерный обман сменился другим, не менее масштабным. Но вместо крови уже, слава Богу, лилось вино и водочка. В своей массе народ отдавал свои будущие машины, воплощённые в приватизационных чеках, “подаренных добрым волшебником” Чубайсом, чаще всего за обычную российскую валюту – за бутылку. А за красную или за водочку – это являлось предметом торга и приобретения народом первого, а для очень многих и последнего, опыта рыночно-бутылочных отношений.

В то время расплодилось немереное количество скупщиков приватизационных чеков, так же как сегодня во время избирательных кампаний вдруг невесть откуда, как чёрт из табакерки, появляется масса корыстных организаторов голосующих масс. Такие специалисты прибыльно и, естественно, безналогово “работают в поте лица” одновременно на несколько противоборствующих кандидатов. Так и “спасают” россиян от окончательной нищеты то чеки, то выборы. Неужели одни не верили в дармовые “Волги”, а другие скупали чеки, чтобы в будущем стать владельцами таксопарков? Конечно же, нет. Сказочка о машинах была для простаков. Чеки же можно было использовать на коротком плече времени, практически немедленно, для скупки акций предприятий. Большинство населения, в том числе и такого продвинутого, как Эдуард, в ту пору индифферентно относилось к акциям предприятий, разумно полагая, что прибыль по ним хитрым руководством предприятия распределяться не будет. Умные директора, главные бухгалтеры и экономисты, известные мне не понаслышке, всегда найдут, как спрятать прибыль или распределить её через фонд заработной платы и материального поощрения среди своих работников. Но смекалистые денежные спекулянты, чьи “младенческие” знания по экономике не были замутнены ни теорией, ни практикой, ни здравым смыслом нормального функционирования промышленности, твёрдо усвоили одну простую, как большевистский лозунг “Землю – крестьянам”, мысль: “Более половины заветных бумаг позволяет проглотить предприятия со всеми потрохами”. Вот только в роли потрохов выступали производственные коллективы, директора и основные фонды, накопленные за многие десятки лет “плохим” СССР. Заветные 50% плюс одна акция позволяли сметать директора и главного бухгалтера, а вместо них ставить своих руководителей предприятия и, как пели Лиса и Кот, одурачившие наивнейшего Буратино, “. . . делай с ним, что хошь”. Хочешь – получай, если сможешь, прибыль, а хочешь – разгони коллектив, распродай оборудование или даже сдай его в металлолом, а если предприятие в удобном месте, то организуй рынок или распродай землю.

Последнее происходило особенно часто под аккомпанемент похоронных оркестров массово спивающихся, ставших в одночасье ненужными рабочим и получающих инфаркты и инсульты директоров, назначенных министерствами и обкомами КПСС, а снятых с работы “паханами” из бандитов, спекулянтов и цеховиков. Они в ту пору массово скупали у доверчивых коллективов

контрольные пакеты акций (подробней об этом в книге: "Маятник бизнеса: между орденом и тюрьмой").

Но какая же роль в этом процессе отводилась нашим героям и их банку? Они, конечно же, не опускались до черновой работы по скупке акций, не мотались по деревням и рабочим посёлкам. "Заготовители" приносили им уже немалые партии чеков, а взамен получали 1,5–2 цены относительно первоначального закупа. Но покупать предприятия и тем самым рассекречивать свои заработки наши осторожные "корейки" (если пользоваться образом, созданным Ильфом и Петровым) не собирались. В ту пору было не счастье убийств, да и арестов их менее конспиративных коллег-банкиров, которых не спасали от злой участи даже длинные хвосты из сопровождающих охранников. Поэтому консолидированные пакеты приватизационных чеков приобретались, а после с существенной наценкой перепродавались более смелым и рискованным охотникам за фабриками и заводами, ГЭСами, энергосетями и даже за бывшими грандиозными комсомольскими стройками эпохи социализма.

Охотники, как правило, были тесно связаны с криминалом или с высокими чиновниками.

Несмотря на то, что наши учёные-банкиры вели себя максимально конспиративно, информация о немалом масштабе их финансовой деятельности скоро всё равно появилась в криминальных кругах. И это неудивительно. Первоначальная скупка чеков часто производилась под патронажем "бандюков", а значит, у них была информация о покупателях больших партий этого ходового товара. Кроме того, банковские операции проводило немалое число как исполнителей их банка, так и представителей иркутского отделения Центробанка. Среди служащих наверняка были и такие, кто за вознаграждение осведомлял бандитов. Но самым неприятным моментом, оглушившим наших банкиров, стал арест председателя центробанковской организации, который знал немало крупномасштабных банковских тайн. После этого ареста дальнейшая деятельность молодых банкиров стала явно небезопасной. Информация об их финансовых успехах появилась и у милиции. Главные действующие лица — директор и заместитель директора банка — очень оперативно, в темпе, опережающем "сеттеров", чующих жирную добычу, уволились и вылетели к своим миллионам долларов в легко доступное в ту пору для эмиграции островное государство Мальту. Со временем они получили на Мальте виды на жительство, а позже и зарубежное гражданство, но уже в Англии и в Канаде. Мальта в ту пору привлекала безвизовым въездом и льготным налоговым законодательством. Нерезиденты платили, если не ошибаюсь, фиксированные тысячи полторы в год и, как призывает наш плакат, проповедующий грабительские налоги, могли спать спокойно. Спокойному сну способствовал также островной характер этого мини-государства, защищающий от современных разбойников.

Для разборок удобней многолюдье и возможность незаметно въезжать и уезжать на автомобилях и поездах. Но с острова не удрать, поэтому и преступность там почти нулевая. Интересно, что этот островок с разветвлённой сетью автомобильных дорог составляет в длину всего 27 километров, что в три раза меньше нашего байкальского Ольхона при почти одинаковой ширине, а население около 400 тысяч человек, что более чем в 100 раз превышает численность наших островитян вместе с туристами в разгар сезона.

Можно было бы порадоваться за наших земляков, сбежавших от нависших туч в безопасную Мальту. Если бы не одно "но", которое поразило меня во время туристической поездки в этот антикриминальный рай. Немного не по себе мне стало, когда самолёт, сделав круг над островом, пошёл на посадку. Показалось, что сильный шторм или цунами во время землетрясения запросто смоет этот оазис благополучия. В дальнейшем меня успокоили тем, что большая часть строений, в том числе наша гостиница, стоят на гористой местности. Скучным, навевающим смертную тоску, мне показался и безлесный каменистый ландшафт, лишь кое-где украшенный травяным ковром.

Скучную природную картину дополнила и однообразная городская архитектура. Если учесть, что всё это "лысое великолепие" раскаляется ярким, почти экваториальным солнцем, то мне, любящему живую природу и прохладу, было на Мальте настолько некомфортно, что она показалась весьма подходящим местом разве что для учреждений ГУЛАГа. Уж если наш благодатный байкальский остров Ольхон при Сталине приспособили для этих нужд, то судьба

Мальты, если б ей “повезло” оказаться в составе нашего государства, была бы предрешена. Сбежать с неё практически невозможно. Наш Ольхон также отделён от ближайшего берега несколькими километрами невыносимо холодной воды. И поэтому ни один зэк не сбежал с острова. Только косолапые хозяева сибирской тайги в своих круглогодичных шубах да энергичные лоси изредка отваживаются форсировать водную преграду в поисках лучшей доли, но вряд ли её находят. Наш остров, даже с его огромными, по сравнению с Мальтой, размерами, для этих крупных животных оказывается маловат.

Мальтийская экскурсовод, которой я задал вопрос по поводу вытоптанной травы, слегка обиделась на меня, ответив: “Там, где травка, все ходят по тропам, а мало таких мест из-за климата, но никак не из-за жителей. Так было всегда, и люди здесь не при чём”. А я, сравнивая два острова, подумал, насколько же мы богатые и как нам повезло с природой, которую мы нещадно вытаптываем и выжигаем, губим квадроциклами и машинами. Какую неимоверную опасность должны были чувствовать банкиры, чтобы добровольно сбежать в мальтийский природно-климатический “ГУЛаг”. Но, может быть, я слишком не люблю сильную жару и обожаю нашу байкальскую природу?

Наши банкиры, конечно, не пылали любовью к своему прибежищу, но всё-таки осели там. Эдуард был моложе своих коллег, он не подписывал серьёзные банковские бумаги, а потому риск его, к радости, а доход, к сожалению, были соответственно много меньше, и он остался после бегства друзей в Иркутске. Следовательно не раз навещал брокерскую контору и задавал вопросы изрядно волнуемому Эдуарду. Законы в ту пору были весьма неопределёнными, а потому дело могло повернуться в любую сторону. Главенствующий юридический принцип той поры: “Разрешено всё, что не запрещено”. Открывать личные счета за границей и перечислять туда валюту не запрещалось. Но их брокерско-инвестиционная компания не имела права работать с валютой без специальной лицензии. А вот её-то как раз и не было. Поскольку ни беженцев, ни денег не догнать, да и опыта применения статьи, карающей за это нарушение, также толком не было, то уголовное дело открывать не стали, и мальтийских жителей никто не потревожил.

Вскоре Эдуард всё же от греха подальше перебрался в Москву. В конце 90-х годов цены на недвижимость были невелики, и его миллиона долларов, полученного на успешном старте, хватило на неплохую квартиру для своей семьи, для семей обоих родителей, на квартиру про запас для подрастающих детей, на машину, но потом потянулись не очень весёлые годы службы по раз и навсегда выбранной профессии в отделах ценных бумаг различных московских банков.

Не в пример ему, старшие товарищи, нагулявшие на Мальте языковой опыт и опыт западного существования, обрели в дальнейшем более независимую жизнь. Директор банка года через три занял руководящий пост в одном из мальтийских филиалов английского банка. Впоследствии он проявил исконно сибирский характер, упорство и смекалку, в результате лет через пятнадцать после отъезда стал не просто рядовым лондонцем, а заместителем управляющего крупнейшего английского банка. О такой карьере мечтают многие англичане с прекрасным образованием и со связями.

Его ближайший сподвижник тоже не навечно поселился на скучном острове. Лет через восемь, дождавшись, когда способная и старательная дочь окончила школу, наш друг переехал в Канаду. Не на шутку напуганный “иркутской историей”, он и сейчас, спустя 26 лет, общается, в основном, в кругу семьи и с кормильцем-компьютером. Дела на рынке ценных бумаг идут у него, по слухам, довольно ровно и успешно. Ему с его характером удаётся избегать соблазнов рискованных взлётов, а значит, и болезненных падений. Бацилла безудержного азарта и скоробогатства пролетела мимо его “мальтийско-канадского” футляра, а вместе с ней в добровольном затворничестве пролетели на чужбине и лучшие годы жизни.

Проиграв на первых порах и потеряв привычный круг общения, наши, теперь уже полновесные, эмигранты, получили и немалый выигрыш. Не в пример многим банкирам 90-х они уберегли от бандитов и от милиции денежки, а главное, головы. Нисколько не затронул их и ураган ельцинского дефолта 98-го года, когда у предпринимателей шансы выжить материально и даже физически падали так же резко, как рубль. Кроме того, в пору нескольких кризисов замораживались все валютные счета и международные операции для

россиян. Те, кто в это время находился за границей, но держал деньги в российских банках, оказались, буквально, без хлеба. У наших же молодых эмигрантов и Эдуарда к тому времени ни копейки уже не лежало в российских банках.

После потрясений дефолтами многие предприниматели, имеющие хоть какие-то финансовые возможности, стали искать способы превращения части ресурсов в валюту и хранения её за границей. Но оказалось, что надёжные западные банки не собираются встречать нас с распростёртыми объятьями. Как правило, они требуют поручительство в добропорядочности и в легальности средств. Мальтийский стаж наших банкиров пришёлся как нельзя более кстати. Нескольким землякам, в том числе Вадиму и мне в 1998 году, сразу же после дефолта, без хлопот и даже без выезда, были открыты на Мальте вожделенные счета, помогающие создать пусть и небольшие, но надёжные “подушки безопасности” от нашего непредсказуемого государства.

3. Бабушка и дед против... “гроссмейстера” азартных игр

Так и хочется продолжить заголовок строкой из вечного Сергея Есенина: “Они бы вилами пришли вас заколоть за каждый крик ваш, брошенный в меня”. Но речь дальше будет идти о борьбе моих предков с азартными игроками без помощи вил и другого подручного оружия. Не знаю, одинакова ли у людей от рождения предрасположенность к таким играм, но то, что уроки детства оказывают огромное влияние на эту черту характера, лично у меня сомнений не вызывает. В дошкольном возрасте я научился почти одновременно играть и в шахматы, и в карты. Но карты бабушка запрещала. Она как будто чуяла вектор прогресса и справедливо боялась, что может сформироваться пристрастие к азартным играм, когда я стану постарше, а там и до греха недалеко. Правда, в душе я, конечно, думал, что когда вырасту, то уж в карты-то наиграюсь. И действительно, лет в 11-12 мы с друзьями с удовольствием забирались на чердак нашего старинного двухэтажного деревянного дома, где располагался “штаб” нашей мальчишеской армии, и с удовольствием резались в занимательную и достаточно умную игру – в “66”. Но бабушкин труд не пропал даром, и я, будучи лидером дворовых пацанов, несколько раз останавливал ребят от игры на какой-либо интерес, будь то конфеты, папиросы, пробки и тем более сэкономленная на завтраках в школьном буфете и на походах в баню мелочь. Не без некоторых колебаний они соглашались. Игра и без этого всех захватывала. Я же воспринимал игру в карты ещё и как атрибут взрослости и свободы. Хотя, по моим тогдашним ощущениям, все этапы детства тянулись невыносимо долго.

Тривиальную фразу: “Ах, как быстро летят годы!” – все мы в детстве и юности нередко слышали от своих родителей, но абсолютно не понимали, испытывая прямо противоположные чувства. Я бесконечно долго ждал, когда наконец-то кончится детский сад и можно будет надеть бравую школьную форму стального цвета с гимнастёркой, блестящей металлическими пуговицами, когда подпояшусь ремнём с медной пряжкой и, приняв облик маленького солдата, повесив на плечи удобный ранец, наконец-то начну заниматься в школе самостоятельным делом. Впоследствии бабушка сопровождала мой первый поход в школьном облачении не очень понятным философским восклицанием: “Ну вот и отгулял солдатик! Началась на веки вечные армейская жизнь”. Очевидно, немало пожившая бабушка представляла всю жизнь после вольного раннего детства “по-военному” строго регламентированной: и в школе, и на производстве давление советского общества на личность мало отличалось от армейского.

А сколько раз, затаив дыхание, я, будучи дошкольником и несбыточно мечтая ускорить ход времени, слушал, как из динамика с единой для всего города радиопрограммой лилась задорная школьная песня:

*Ровесницы, ровесники,
Девчонки и мальчишки,
Одни поём мы песенки,
Одни читаем книжки.*

*Девчонки, мальчишки,
Мальчишки, девчонки,*

*Мы учимся вместе, друзья,
Всегда у нас весело в классе,
Да здравствует дружба, ура!..*

*Идём по общей лестнице,
Звонок услышав громкий,
Ровесники, ровесницы,
Мальчишки и девчонки...*

Строчки этой незамысловатой, но казавшейся в ту пору волшебной песни, подобно машине времени, и сейчас подхватывают меня и переносят в незабываемый и неповторимый мир детства. И вот я уже вижу себя рядом с бабушкой, растапливающей лучинкой печь на коммунальной кухне, а на чугунном “зеркале” печи лежит оставленный ею по оплошности коробок спичек. Я кое-как дотягиваюсь до него и отдаю бабушке, заработав от неё, скупой на похвалы, благодарность за бдительность и, как мне кажется, за спасение всех жильцов от пожара.

Вспоминается, как удостоился я бабушкиной похвалы в пять лет, задав ей глубокомысленный вопрос: “А родится ли когда-нибудь второй Ленин и второй Пушкин?” А ещё раньше, годика в три, похвалила меня бабушка за находчивость. Было это так. Я сопротивлялся и не хотел никак кушать манную кашу. Бабушка грозила, что если не поем, то не будет солнышка, пойдёт дождь, и сидеть мне тогда дома целый день без гуляния. Тогда я её спрашиваю: “А Ира (старшая сестра) свою кашу съела?” Бабушка, не уловив подвоха, начала Иру приводить в пример, сказав, что она съела ещё и добавку. “Значит, у неё обязательно будет солнышко?” – спросил я. “Конечно”, – ответила бабуля. Тогда я недолго думая заявил: “Кашу есть не стану, а гулять пойду на Ирино солнышко”.

Бесконечно долго тянулось время до вступления в пионеры, а позже и в комсомол. Мой мотив вступления в комсомол мало соответствовал изложенному в почти стандартном заявлении, где в большинстве случаев декларировалось желание: “Быть в первых рядах строителей коммунизма”. Всё было гораздо банальней и прозаичней. Вступившие в комсомол переставали носить обязательный пионерский галстук и как бы первыми вырывались из детства. А кроме того, руководила процедурой приёма в коммунистический союз молодёжи очень симпатичная девушка Тамара, года на два старше меня, с которой я мечтал познакомиться и познакомился. Жаль только, что знакомство протекало у нас скорей со знаком минус. Она не раз приглашала меня, чтобы сделать внушение за затылок с приходом в райком комсомола для получения комсомольского билета, а также по поводу оформления подписки на местную газету “Советская молодёжь” или на центральную “Комсомольскую правду”. Принимали в комсомол с 14 лет. Я воспользовался своим правом и 1 февраля, как раз в день своего четырнадцатилетия, расстался навсегда с пионерским галстуком. Все остальные одноклассники за исключением моих уважаемых приятелей – переростков-второгодников – оставались пионерами ещё целую вечность – всё второе полугодие. Но в седьмой класс 1 сентября уже все шли без пионерских галстуков, привилегия делалась нормой. Не скрою, что временами я подгонял время и вредными привычками. Но спорт, осознание пагубности табака и вина, а как-то раз и хорошая взбучка от отца, помогли поставить точку, пока ещё было далеко до выработки привычки, как у многих моих не очень благополучных друзей.

Не так томительно долго, как в школе, но всё же и не быстро, тянулось время и в институте. Интересно, что разной скорости течения времени по векам жизни есть, кажется, и математическое обоснование. В раннем детстве между одним годом и двумя разница в 100%, между четырьмя и пятью – цена года 25%, в 20 – один год тянет всего 5%, в 50 лет – 2%, а в 100 лет – только 1% от прожитых лет. Может быть, поэтому и создаётся ощущение ускользающего с годами бега времени, при котором “цена года” для старцев падает в сто раз по сравнению с младенцами. И теперь, когда банкирам, совсем недавно юным, перевалило за пятьдесят, а нам с Вадимом и того больше, родительское восклицание по поводу быстро бегущих лет недоумения не вызывает. Они, увы, как и всегда, оказались правы, а мы незаметно заняли их место.

Уже много лет, когда я приезжаю в Москву, мы обязательно создаём с Вадимом и Эдуардом с тем, чтобы за семейно-деловым завтраком обменяться новостями. Мы с Вадимом с удовольствием слушаем ставшую традиционной информацию Эдуарда о состоянии, а главное, о перспективах валютных курсов, банковской системы, о рынке ценных бумаг, а теперь, в 2017 году, когда пишутся эти строки, ещё и об элементах беспредела нового валютного законодательства, которое неминуемо будет выдавливать солидных предпринимателей из России. Такая информация, мне кажется, интересна всем, а нам, занимающимся бизнесом и имеющим какое-то количество резервных средств, тем более.

Лет пять назад Эдуард, не получив обещанных дивидендов в одном из крупных российских банков, поставил точку в банковской карьере и ушёл в самостоятельное плавание по океану денежных игр. Но управлять он стал не собственными миллионами, которых у него ближе к финишу, увы, не оказалось, а устроился на работу к одному знакомому бизнесмену, выделившему на этот рискованный бизнес порядка десяти миллионов долларов. Вознаграждение Эдуарда составляло десять, а при очень большом выигрыше 20% от полученной прибыли. Несколько лет назад, кажется, в 2010 году, Эдуард на деньги своего шефа и на Вадимов миллион “заработал” около 50% годовых, а 2012-й и того лучше, принёс шефу 90% годовых, а себе опять, как и на старте, миллион долларов. После этих, окрыливших его удач, а может быть, и закономерных побед, опирающихся на более чем тридцатилетнюю преданность одному делу, в 2013 году он предложил мне и второй раз Вадиму вложиться в ценные бумаги. Предложение профессионала принять участие в игре выглядело заманчиво.

Из опыта предыдущих лет мы знали, что в авантюрах он вроде бы не участвует. Если перевести его заслуги на спортивный язык, то он провёл множество поединков без единого проигрыша, лишь несколько встреч завершив вничью, остальное – победы. Правда, итоги нам объявлял не комментатор, а сам участник биржевых игр.

Хотя все мы были старыми товарищами, но некоторая презентация Эдуардом была всё же проведена. Тем более что на встречу я пригласил своего давнишнего приятеля Леонида, который изъявил интерес послушать, а может быть, и поучаствовать в игре.

– Спортсмену в плане саморекламы легче, о нём всё знают тренеры и диктор, освещающий, например, боксёрский матч, – издав далеко, к нашему удивлению, начал презентационную речь Эдуард. – В интернете сейчас легко найти информацию о каждом заметном спортсмене. Там будет сказано, что такой-то известный боксёр в своей жизни провёл, например, пятьдесят встреч, в 45 одержал убедительные победы, из них 30 с явным преимуществом – нокаутом или нокаутом. Три встречи окончились вничью, а две проиграл, причём в одной из них тоже получил нокаут. Вот такие же примерно показатели и у меня, но без нокаута, – провёл аналогию Эдуард. – Но писать о чемпионах биржевых игр не принято, хоть и здесь есть свои мастера. За жизнь я провёл десятков пять очень крупных покупок акций и много тысяч небольших сделок, которые можно причислить к тренировкам.

– Эдуард, тебе не кажется, что есть одно “но”? – спросил Вадим. – Ты всю жизнь работал в банках, а там есть свои алгоритмы, правила, ограничения. А теперь ты выходишь в чистое поле. Не понесёт ли тебя “на резвом коне”?

– Исключено, – слегка даже обиделся наш профессионал финансового спорта. – Если продолжить твоё сравнение с животными, то мне больше нравится не “резвый конь”, а собака, так как я родился по восточному календарю именно в её год, а на коне я и ездить-то не умею, особенно на резвом. На даче у меня много лет жила кавказская овчарка. Свобода у неё была относительной, она вдоволь бегала по участку, но, чтобы не портила цветы, грядки и гостей, была натянута проволока, по которой скользила цепь. Несколько раз проволока рвалась, но и на свободе барбос бегал вдоль оборванной проволоки и ни на метр дальше. Привычка и навыки, как видишь, дисциплинируют даже собак. Я в банках уже около тридцати лет. Их алгоритмы держат меня сильнее цепи. Всё будет “Окей”.

Следующим высказался Леонид – известный московский бард, вхожий в круг ночных “королей” традиционных игр. Он предложил также вложить в акции немалую сумму: “Я, если постараться, могу найти сумму не меньше, чем

богач-предприниматель, которого ты обслуживаешь. Догадываешься, наверное, чьи будут деньги, и какая ответственность ляжет на нас с тобой?”

— Конечно, понимаю, — ответил, смутившись и даже слегка побледнев, наш организатор “концессии”, — а поскольку прекрасно понимаю, то эти деньги не возьму.

— Но ты ведь провёл столько боёв и почти во всех, как истинный чемпион, одержал решительные победы. Что же тебя смущают денежки “братков”? — вопрошал Леонид.

— Но спортсмен, чтобы нормально выступать, должен быть более-менее спокоен, — парировал Эдуард. — Если ему сказать, что в случае проигрыша он будет повешен, то вряд ли он не сгорит ещё до старта. Так и в моём бизнесе — принимать решения и действовать нужно не под дулом, а чтобы был драйв и работала интуиция. Поэтому, извини, дружба дружбой, а общаково-табачка мне не нужна. Достаточно того, что образ нашего общего знакомого “американского” Михаила и так перед глазами всю жизнь.

Пока Эдуард рассказывал о победах и препирался с Леонидом, мне почему-то вспоминались бабушкины предостережения и горький опыт далёкого детства, когда даже игры в пробки вызывали у нас настолько сильный азарт, что в результате за месяц все мы, окрестные пацаны, перессорились и передрались. Вспомнился и урок, который преподавал дед Яков своим сыновьям: моему отцу и дяде, застигнутым в школьные годы за азартной игрой. Метание шайбы в кон денег, так называемая игра в “чику”, закончилась тем, что дед через всю деревню провёл подростков за уши до самого дома, где продолжил суровое воспитание широким ремнём. Этот редкий случай заслуженного битья стал семейным преданием. Двум будущим руководителям областного масштаба отцовского урока хватило на всю жизнь.

Не забыл я, конечно, и американскую трагическую историю с Михаилом, да и свободных денег у меня было не густо. Поэтому, несмотря на огромный соблазн получить “халявный припёк”, от игры я всё-таки отказался, несмотря на непонимающие взгляды моих друзей. Вадим с удовольствием дал согласие. Эдуард, вдохновлённый предыдущими успехами, был нацелен уже только на крупные выигрыши. Они ударили по рукам, а я оказался в стороне от праздника жизни с вполне вероятным богатым “подарком”. Сомнения меня, естественно, одолевала. Может быть, зря я не “поскрёб по сусекам” и выпал из “золотого пула”. Ведь нельзя же не признать, что Эдуард более чем за 30 лет преданности одному делу стал опытейшим специалистом на рынке ценных бумаг. Два крупнейших заработка в 50% и в 90% за последние лет пять — неопровержимое тому доказательство. И в данном случае обилие графиков и комментариев придавало деятельности Эдуарда вид научно обоснованного прогноза, а никак не слепого гадания.

Но в 2013–2014 годы на рынках акций наступило относительное затишье, и заработать по-крупному было трудно. Поэтому Эдуард без каких-либо консультаций с вкладчиками вложил деньги своего шефа и Вадима в весьма рискованный инструмент, сделав ставку на падение действительно непомерно раздутого финансового рынка США. И вот итог.

На сегодняшний день у моих друзей потеряно 80% сделанных вкладов, и они находятся, увы, “возле разбитого корыта”. Особенно тяжело осознавать данную ситуацию Вадиму. У шефа Эдуарда есть хотя бы успокоение в предыдущем 90% выигрыше. Он фактически подчистую потерял только то, что выиграл в эту же “рулетку” лет 5 назад. Объяснение проигрыша, на мой, непросвещенный и негроссмейстерский взгляд, простое. В Европе и в Китае ситуация сегодня ещё менее стабильная, чем в США. Вот Америка и продолжает манить мировой поток денег. Наверно, поэтому американский пузырь не лопнул и, по всем приметам, “схлопываться” не собирается, а растёт и дальше. За эти годы деньги, вложенные в данный инструмент, похудели катастрофически, но в случае обвала рынка они взметнулись бы, а по мнению Эдуарда, ещё и взметнутся также с невероятной скоростью.

Но сегодня, за время ожидания чудо-выигрыша, Эдуард полностью лишился зарплаты у своего нанимателя, быстро иссякли и его невеликие, как оказалось, запасы денег, потраченные на строительство дачи, которая во время кризиса стала практически непродаваемой. Потеряв постоянную зарплату, в лучшем случае, надолго заморозив, а скорей всего, подчистую проиграв чужие деньги, Эдуард остался без копейки доходов. Со всей остротой

у него встал вопрос содержания семьи, в которой, кроме жены, занятой всю жизнь детьми, а теперь внуком, есть ещё и ищущая себя взрослая дочь — мама ребёнка — и не окрепший финансово взрослый сын. Его творческие музыкальные и поэтические искания и начинания также мало способствуют пока зарабатыванию денег. Жить Эдуарду стало реально не на что.

4. Легче найти идеальную тещу, чем подходящий банк

Способ хранения денег, при котором небольшие валютные сбережения закапывали в стеклянных банках в землю во дворах и в гаражных ямах, годился при первых заработках на заре зарождения бизнеса. Ничего не гарантируют и тяжеленные домашние или потайные сейфы, хотя бы и вмонтированные в стены. Чем тяжелей сейф и сложнее его установка, тем больше людей знает о его существовании, и, следовательно, ниже надёжность. Хорошо в этом плане иметь старинные замки, так как уже давно нет строителей и сторожей, знающих спрятанные сейфы и тайники. Может быть, поэтому наши олигархи удивляют европейцев пылкой любовью к их древним особнякам и замкам.

У одного моего знакомого, не дотянувшего до заграничных “дворцов”, во время отпуска охранник инсценировал вскрытие грабителями тайного сейфа и вмиг стал богатым. Только вот груз богатства и подозрение хозяина денег раздавили бедолагу буквально за полгода. Но денежки к владельцу всё равно не вернулись. По слухам, в выигрыше остались бандиты, которым удалось выжать с бедолаги свои 30%, остальные денежки разошлись по родственникам грабителя. На них были приобретены машины, квартиры и другое имущество. Впрочем, доказать это, даже “по понятиям”, очень сложно, а вернуть практически нереально. Чрезвычайно жаль, что в сегодняшней кутерьме из-за налога на курсовую разницу делается рискованным такой надёжный инструмент спасения денег, как гособлигации, да и любые другие облигации и акции, купленные на валюту. Для того чтобы обезопасить сбережения, нужно искать надёжный банк. Но, во-первых, попасть в него очень непросто, а во-вторых, в нём, как правило, очень высокие расценки за хранение денег, в результате доход с депозита во многих швейцарских банках равен нулю или становится отрицательным. О спасении денег от инфляции при этом говорить не приходится.

Снова, в который уже раз, вспоминается поездка в Англию 2014 года. Тогда под предводительством нашего земляка, ставшего англичанином, мы потратили почти месяц на поиски недвижимости и на открытие счёта в надёжном английском банке. Увы, последнее у нас, как это ни странно, не получилось. А может быть, в этом не были заинтересованы наши английские вожаки. Все, с кем они организовывали переговоры, предлагали только игру на рынке акций и ни один не предложил простое обслуживание текущих счетов и депозитов. (Подробней об этом в книге “Лабиринты судьбы”). Более того, за год до этого крупнейший английский банк “Эйч-эс-би-си” настоятельно попросил всех русских забрать средства, сочтя хлопотным и рискованным с точки зрения штрафов за отмывание денег работать со странами Восточной Европы, особенно с Россией. Их требование пришлось выполнить, так как другие операции и поручения клиентов они просто-напросто перестали выполнять.

Но на этом наши с Вадимом банковские мытарства, увы, не кончились. Ближе к осени вовсю начал шататься “Дойче банк” и расположенный в Швейцарии “BSI” банк, принадлежащий Бразилии. Сейчас он болезненно преобразуется в бразильско-швейцарский банк. Как на грех, и он, подобно немецкому банку, именно сейчас оштрафован Америкой также за безналоговое движение средств американских граждан. Правда, в отличие от немецкого гиганта, размер штрафа у него много скромней и измеряется не миллиардами, а миллионными долларами. Повлияет ли это на ход его реорганизации или нет, большой вопрос.

Если кто-либо внимательно изучит наши кредитные истории, то заметит, что западные банки, работающие с нами, рушатся, ликвидируются или штрафуются и попадают в неустойчивое состояние. Не стать бы нам для банков персонами с красивым, но вредным для обладателей названием “нон грата”, как “удостаиваются” некоторые клиенты казино. Небольшой экскурс в историю, увы, не подсказывает, что же делать странникам по банкам в настоящее время. Может быть, самое подходящее было бы не искать счастья за границей, а вернуться на Родину, в достаточно надёжный Сбербанк или в ВТБ, тем

более что банковская тайна теперь в прошлом даже в Швейцарии. Под залог валютной суммы в ВТБ к тому же оперативнее дают кредиты, не тратя время на хлопотное оформление залогов недвижимости. Как ни странно, в Сбербанке данная операция пока не возможна. Объясняется это, по-видимому, тем, что, по закону, залоговые деньги не могут быть изъяты без согласия клиентов. Но ВТБ нашёл выход в оформлении доверенности кредитополучателя на управляющего банком. Согласно ей, в случае невозврата кредита можно без хлопот снять соответствующую сумму валютного залога. Весьма впечатляет и разница в процентах между двумя банками. ВТБ платит VIP-клиентам до 2% годовых на валютный депозит, а Сбербанк чуть более 1%. Сегодня, получая 2% годовых на долларový вклад в ВТБ, рублёвый кредит мы берём за 12,5%. На первый взгляд — парадокс, казалось бы, обменяй, хотя бы временно, валюту в рубли и не теряй на разнице в цене кредитов. Правда, плата за обмен несколько уменьшит эту цифру, но всё равно разрыв очень большой. В чём же секрет столь парадоксальной экономики? Всё дело в неустойчивости курса рубля по отношению к доллару. Если за год цена доллара поднимется с сегодняшних 65 до 80 рублей, то доллары, превращённые в рубли, обесценятся на 22%, что, как мы видим, с учётом цены обмена и начисления процентов на валюту почти в 2 раза выше, чем цена рублёвого кредита. Не исключено, конечно, что нефтяные котировки в ближайший год особенно не изменятся, не изменится в нашей плоской экономике тогда и цена доллара. При этих условиях было бы весьма выгодно поменять доллары на рубли и ими кредитовать основной бизнес. Но почти с такой же вероятностью можно предположить и другой крайний сценарий. А именно то, что значение доллара вырастет за год до 100 и более рублей. В этом случае обменивать доллары на рубли — безумие. Какой сценарий будет в действительности и какой станет рублевая цена доллара к концу 2017 года, сказать наверняка не может никто, но рост как минимум процентов на 15, на мой взгляд, более вероятен, чем стабильность. Так ли это — покажет время.

После отмены банковской тайны в подавляющем большинстве цивилизованных стран, в том числе и в многовековой “мекке” надёжности и секретности вкладов — в Швейцарии — остаётся два разнонаправленных критерия: практически гарантированная устойчивость банков, с одной стороны, и мизерные, а чаще нулевые и даже отрицательные (из-за того, что они перекрываются платой за хранение валюты) проценты, с другой. Хотя, впрочем, есть всё же и ещё один критерий, его бы я назвал “степень гласности”. В родном городе, где моя фамилия на слуху, в том числе и у банковских служащих, степень защищённости информации много ниже, чем за границей. Информация о вкладе может получить слишком широкое хождение и возможность оказать влияние на формирование атмосферы недоброжелательства в писательской, в религиозной среде и даже сказаться на лояльности горожан к галерее или к моим книгам. Но, кроме иркутских и зарубежных банков, есть ещё Москва с отделениями и ВТБ и Сбербанк, открытыми для любого гражданина России. Продолжают работать, несмотря на все санкции, представительства крупных зарубежных банков. У московских отделений российских банков нет прямой информационной связи с иркутскими отделениями, но всё же в иностранных банках степень защиты информации от несанкционированного доступа выше. Жаль, что этого не скажешь об их процентах на депозиты. С учётом всего, интересным представляется московское отделение ВТБ с процентами годовых, близкими двум. Нашими суммами в Москве никого не удивишь. Но есть и недостаток. В случае каких-либо надвигающихся неприятностей, когда требуется срочно перевести деньги, вряд ли можно надеяться на первоочередное внимание московского отделения, не подкреплённое дружескими — “местечковыми” отношениями, которые складываются “веками” в родном городе.

Большим достоинством представительств иностранных банков, например, Райффайзен-банка и Сити-банка является их неподвластность российскому государству, хотя они и работают по российским генеральным лицензиям. Их действия в значительно большей мере поддаются прогнозу в случае обострения кризиса, чем чисто российских банков. Соответственно, существенно ниже у них и процент годового дохода на депозит. Возможно ли будет вовремя почувствовать опасное обострение финансовой ситуации в России и настроение высшей власти с тем, чтобы успеть перевести свободные средства, приносящие неплохие дивиденды, в зарубежный банк? В общем, элемент

рулетки, и немалый, присутствует и в выборе банка. Принцип “не храни все яйца в одной корзине” относится в большей мере, чем где-либо, к выбору банков и видов вкладов.

Стать клиентом надёжного европейского банка весьма непросто. У нас эта история началась около 20 лет назад с Мальты, благодаря Эдуарду и беглым банкирам. Около десяти лет назад нам удалось заочно открыть счёт и в Цюрихе, в банке BSI. Эдуарда связывало с этим банком многолетнее сотрудничество. Очень многое на Западе основано если не на “блате” и землячестве, как у нас, то на личном знакомстве. Особенно когда дело касается не особенно благонадёжных по западным представлениям граждан России.

Когда-то, вскоре после института, Эдуард с женой, обучаясь в аспирантуре и живя в Москве, познакомился с юной в ту пору гражданкой Швейцарии Светланой. Она на полугодовых курсах в том же финансово-экономическом институте оттачивала русский язык, а также изучала российский экономику. Здесь их молодые пути-дороги пересеклись, причём дружба сохраняется уже больше трёх десятилетий.

Сегодня, когда её бразильский банк переживает не лучшие времена, Светлана, ставшая за эти годы нашей приятельницей, хотя и телефонной, договорилась об открытии для нас с Вадимом счёта в чисто швейцарском банке. Мы, не мешкая, вылетели в легендарный Цюрих и наконец-то, после примерно десяти лет заочной дружбы лично познакомились со швейцарской финансовой феей, обладающей волшебной палочкой-выручалочкой. Через неё мы без хлопот и на редкость оперативно уже не раз оплачивали, например, скульптуры Даши Намдакова или недвижимость. Немало банков расстаются с деньгами значительно тяжелее, пытаюсь всячески затянуть данный процесс. Ей же к отправленной платёжке вполне достаточно телефонного подтверждения.

По наблюдениям знакомых вкладчиков, а к ним в некоторой степени относится и Вадим, раньше банкиры встречали крупные денежки с распростёртыми объятьями, но лет семь назад ситуация сильно изменилась. Раньше никого не интересовало, откуда на его счёт падают деньги. Сегодня же требуется весьма обширная информация, и если что-то не устроит банк, то денежкам скажут: “Идите-ка вы откуда пришли”, – и они мигом улетят назад. С Вадима, да и с других вкладчиков стали требовать, прежде всего, доказательств регистрации в российской налоговой инспекции швейцарского счёта банка отправителя, а также и израильского счёта, на который должны быть зачислены средства. Ещё скрупулёзней, по слухам, требования к американцам. Дело в том, что они, собственно, и решили навести порядок во всём долларом мире. И начали с миллиардных штрафов к банкам, обслуживающим недобросовестных налогоплательщиков, в первую очередь американских. Но “обожглись” на молоке, теперь дуют на корову. Правда, заодно перекрываются прямые поступления, связанные с незаконными делами, наркотиками и т. д. Не особенно положишь и наличные деньги. Лимит на одну пару двадцать тысяч долларов в год, хотя разрешается привозить в “карманах” пятьдесят тысяч. На вопрос что делать с остальными – ответ более чем краток: “Тратьте!” Так что теперь не спрячешься от родного российского государства, будь ты хоть трижды евреем. Хотя, как говорится, могут быть и нюансы. Некоторые банки при двух паспортах и при наличии израильской регистрации, а также израильских коммунальных счетов, могут отправить информацию не в российскую, а в израильскую налоговую инспекцию. При этом есть шанс какие-то счета уберечь от “всеграбящего ока”.

Не сахар ситуация и для тех, кто, сохраняя российское гражданство, постоянно живёт в Израиле. Стоит им хотя бы приземлиться в российском аэропорту и получить погранотметку, как они становятся валютными резидентами, а значит, над их счетами, при наличии каких-либо зачислений денег от продаж, нависает реальная угроза. В результате мы недосчитываемся сотен тысяч соотечественников-туристов, которые отказываются от посещения даже близких родственников. И лишь с 2018 года эта драконовская норма должна уйти из нашего законодательства. Предполагается, что мгновение на Родине – для валютного резерва – должно быть заменено на полгода. Правда, наши законники были бы не нашими, коль не предусмотрели бы “ловушки” и в новом документе. Закон распространяется только на тех, кто более года легально провёл в определённом государстве. Это далеко не то же самое, что вообще за рубежом. Если в жаркие месяцы немолодые люди выехали из Израиля, или,

например, Испании в более прохладную страну, то года у них уже не получится, а значит, охота за их валютными счётами может вестись, как и раньше.

И ещё один нюанс. По новому законопроекту продавец может принять платёж за продажу, например, зарубежной недвижимости или ценных бумаг, если покупатель не является валютным резидентом России. Понятно, когда банк контролирует легальность счёта и оплаты. Но чтобы простой гражданин, продавец квартиры, проводил расследование по поводу, где и сколько живёт покупатель — это невиданный абсурд нашего законо-издевательства. И ведь не убежать от этого никуда. У мелких и средних предпринимателей весь бизнес, как правило, российский. Как говорится, плачь, но живи...

5. Кровавая “любовь” и швейцарское благоденствие

После прилёта в Цюрих нам было вдвойне приятно пригласить Светлану и её коллегу Ирину, также прекрасно владеющую русским языком, к нам в отель на бизнес-завтрак. Для дам традиционная здесь утренняя еда, скорее всего, была обыденной. А для меня и Вадима завтраку придавало особый “аромат” то, что и сыр, и сосиски были швейцарские, то есть, в нашем понимании, как бы со знаком качества. Возможно, что такое восприятие для русского человека определяется ещё и созвучием с другим эпитетом, отражая как бы “царское” качество всего, что произведено в этом небольшом, с населением меньше, чем в Москве, государстве, известном своей точностью, надёжностью и истинной демократией.

Швейцарские часы и прецизионные — особо точные станки, а также сыры и шоколад давным-давно широко известны во всем мире. А вот примеры истинной демократии и какой-то фантастической социальной зрелости народа напомнили нам обаятельные собеседницы во время завтрака. Их правительство смело выносит самые щекотливые вопросы на всенародные референдумы, которые проходят каждый год, а иногда и чаще. Не так давно, например, обсуждался вопрос о истинно социалистической выплате каждому работающему и неработающему швейцарцу одинаковой годовой суммы в несколько тысяч франков, независимой от его личных качеств и достижений. В голосовании у них обычно принимает участие до 50% взрослого населения. И как это ни странно, подавляющее большинство высказалось против “бесплатных” денег. Уверен, что у нас такой референдум собрал бы невиданную явку и почти все были бы, как шутливо говорится, за “халяву плиз”, то есть за всё, что даром. Не поддержал народ и увеличение размеров годового отпуска и повышение пенсий.

Страшно даже подумать, сколько миллионов наших сограждан погибло в революцию и в годы гражданской войны за светлое будущее, уничтожая дворян, буржуев, священников и всех, у кого хватало ума поддерживать элементарный порядок, законность и кто мог с полным основанием сказать, щёлкнув каблуками: “Честь имею!” Особенно страшным стало уничтожение фундаментальных основ морали, когда ради идеи брат убивал брата, а сын — отца. “Ну что же, батя, пошли к оврагу”, — сказал Степан отцу, ведя его на расстрел. Такие вот жуткие сцены из жизни казачества запечатлел гениальный “летописец” времён гражданской войны Михаил Шолохов в “Донских рассказах”. И всё это творилось в православной, с огромным множеством церквей, стране, где главной заповедью является любовь к ближнему. Вот уж поистине поговорка про нашу любовь: “Полюбил волк кобылу, оставил хвост да гриву”. Наверно, и сейчас, в поте лица гонясь за количеством церквей, где на стройках, к слову говоря, легче всего отмывать внебюджетные, мало контролируемые деньги, мы подступаемся к совершенствованию общества не с того конца. А чего стоит банкротство банка “Пересвет”, в числе учредителей которого состоят представители Патриархии, с пакетом акций РПЦ, немного недотягивающим до контрольного! Непогрешимость “церковного”, как его называли, банка оказалась дутой, аналогично разрекламированной надёжности оффшорного Кипра, несколько лет назад оказавшегося на грани дефолта и “жуликовато” решающего свои проблемы за счёт замороженных средств иностранных вкладчиков, в значительной доле — российских.

Швейцарцы же, вместо всех революций и глобальных реформ, напряженно трудятся и трудились, духовно совершенствовались, свято берегли родных, близких и всё, что входит в понятие Родины. Оказалось, что поверхность Луны достичь намного легче, чем глубин образа жизни швейцарцев.

В результате всех бесчисленных жертв многие россияне перебиваются и сегодня, через сто лет после революционной бойни и через четверть века после начала не менее жертвенной либеральной перекройки страны, “с хлеба на квас”, в то время как у швейцарцев совсем нет бедности. Одного только шоколада высочайшего класса потребляется у них 12 кг в год на человека. У нас одноимённого продукта, который чаще всего только условно можно назвать шоколадом, потребляется раза в три меньше. Но этот пример к слову. А вот важнейший социальный показатель — продолжительность жизни — у них равен 80,7 года (77,8 у мужчин и 83,6 у женщин), что не соизмеримо с нашим показателем — 66,05 года (59,1 у мужчин и 73 у женщин), и является одним из максимальных на планете. Должен отметить, что в разных источниках конкретные цифры могут отличаться, но контраст остаётся убийственным. Соответствующее и качество жизни. Мы же — жертвы марксистско-ленинской утопии и правового беспредела — скатились не без помощи горбачёвско-ельцинской перестройки к уровню, близкому к африканским странам, и находимся где-то на 130-м месте.

Война с собственным населением и, в частности, не с самой её худшей и бесполезной частью — с предпринимателями, увы, продолжается. Совершенствуются только методы борьбы. Сохраняется обычный примитивный и безнаказанный грабёж предпринимателей силовиками. Только через год после высказывания президента на эту тему перед Федеральным Собранием в стенах Государственной Думы прошло первое слушание закона об уголовной ответственности силовиков за произвол против предпринимателей. Воз, как говорится, и поныне там. Но в методах борьбы с бизнесом появилось и нечто новое. Этим новым является валютное законодательство, в частности, его последнее усовершенствование в редакции от 1 июля 2015 года. Это новшество для многих совершенно неожиданно и как будто бы специально не разъяснено широкому кругу весьма занятых людей, коими являются предприниматели. Подавляющее большинство из нас, в том числе и я, сам имеющий и учёную степень по экономике, и профессорское звание, не мог даже предположить, что “неправильно” проведённая продажа недвижимости или ценных бумаг за рубежом вдруг, как по мановению волшебной палочки, для многих стала финансовым преступлением. А тысячи моих собратьев стали финансовыми преступниками ещё и по новым критериям. Маятник между орденом и тюрьмой из моей одноимённой книжки смещается всё дальше в сторону, противоположную ордену. Ситуация с данным видом валютного преступления складывается совершенно уникальная по своей почти “восточной” изощрённости и коварству. Нужно отдать должное, что авторы новых валютных правил в правительстве “улюкаевых” прыгнули на этот раз выше самих себя, создав небывалый в мировой истории потенциальный источник пополнения бюджета в ближайшие годы. По-видимому, они ожидают, что скоро изрядно одряхлеет активно проедаемый сегодня золотовалютный резерв Центрального банка. Как минимум до 17-го года никто из “злостных” предпринимателей не наказывается, более того, практически и не может быть наказан. Приманка безнаказанности и неосведомлённости стягивает всё новые и новые стайки “золотых рыбок”, которые привычно режутся перед носом дремлющей щуки. Правительство как будто бы решило отметить столетие Октябрьской революции новым большевистским ударом по новым капиталистам и весело “улююкать” над нами. Как бы приятно было узнать, что министр экономического развития Улюкаев привлечён к уголовной ответственности за эту игру. Но вряд ли.

Что же является приманкой и западнёй для нас, в своём большинстве беспечных, предпринимателей? В качестве приманки используется тот же самый привычный корм, который мы спокойно потребляли в течение нескольких десятилетий. Давным-давно разрешено открывать валютные счета и на Родине, и за границей. Единственным условием перевода средств является уведомление родной налоговой инспекции об открытии такого счёта и, естественно, объяснение источников получения переводимых средств. Лично у меня таким “клондайком” явилась продажа нескольких объектов производственной недвижимости.

Многие, имеющие валютные счета за границей, покупают для себя или для сдачи в аренду и, естественно, периодически продают недвижимость, а кто-то — ценные бумаги. Но с 2015 года незаметно, без лишнего шума, валютным законодательством вдруг запретили зачислять денежки от продаж и аренды на совершенно законные собственные валютные счета. Выполнить

эту “маленькую” поправочку в принципе невозможно, зато в качестве штрафа оную даже можно недосчитаться не только полученной прибыли, что было бы ещё полбеды, а значительной части, а то и всех ста процентов, переведённых совершенно законным путём средств на расчётном счёте.

При этом продавать собственность не запрещено. Сделано это якобы для того, чтобы все денюжки зачислялись на российские счета, и чиновным “панам” получать больше информации о своих “подданных”. А маленький нюанс, заключающийся в том, что это невозможно выполнить в рамках мировой практики движения средств, решили не учитывать. Может быть, авторы этого издевательства думали, что западные страны мигом поменяют своё законодательство под их бредовый подход?

Дело в том, что налог на прибыль, полученную от недвижимости и ценных бумаг за рубежом, взимается в пользу соответствующего государства. В этих целях средства от продажи или аренды обязательно зачисляются на зарубежный счёт! В общем, опять раздалась наша традиционная команда: “Стой там! Иди сюда!” Вот такой парадокс. Никто из властей предрежащих, естественно, не подумал объяснить огромному количеству соотечественников, как действовать в этом порочном круге. Под вопросом у осторожных швейцарцев и депозиты. Пока они предостерегают россиян даже от этого инструмента. Но депозиты имеют практически 100% владельцев зарубежных счетов. Закрытие депозита, при желании наших лукавых законодворцев, вполне можно приравнять к продаже финансового инструмента наподобие ценных бумаг. Причём эти средства также никак не смогут попасть в российский банк, “не осквернившись” о западный. А значит, и в этом случае “родное” государство денюжки может экспроприировать. С 2017 года это правило вроде бы отменено. А как быть с огромным числом тех, кто совершил “преступление” в 2015-м и 2016 годах? Их можно ограбить подчистую, а можно и пожалеть. Всё зависит от состояния бюджета и настроения самых главных правителей. В резерве у них ещё и налог с курсовой разницы, который, по молчаливому согласию власти, редко кем платится.

Наши правители как будто бы взяли на вооружение богатейший опыт Грузии, накопленный во время правления Михаила Саакашвили. При нём под угрозой тюрьмы беззастенчиво было ограблено большинство предпринимателей. Но справедливости ради нужно сказать, что денюжки шли в их государственный бюджет и при этом не разворовывались. Саакашвили совершил невиданное для нас чудо. Он, несмотря на жгучую нелюбовь большинства грузин, войдёт в историю, как первый в СНГ, а может быть, и среди мировых правителей президент, которому удалось победить коррупцию.

Думаю, что обсуждаемая на этих страницах проблема у очень многих потенциальных читателей вызовет недоумение и даже злорадство. Большую часть населения поставили на грань нищеты, откуда проблемы “буржуев” с валютными счетами кажутся блажью, а экспроприация этих средств, в лучших большевистских традициях, вряд ли вызовет сочувствие к экспроприруемым.

Разочарованным и озлобленным людям трудно объяснить, что огромная часть таких средств – это потенциальные инвестиции в средний бизнес, во всё новые и новые рабочие места как раз для них, а также в образование детей, большинство из которых возвратятся в Россию, при условии, что государство позаботится о гарантиях неприкосновенности бизнеса от воров, в какую бы красивую форму они ни рядились. Но это сложно. Куда как проще заняться привычной с Октябрьской революции и гайдаровских реформ экспроприацией сбережений и продержаться спокойно на этой игле ещё десятичек лет.

Для того чтобы бесконечный список валютных преступников и преступлений ширился, до поры до времени всё тихо. Обмен информацией между западными банками и Россией должен заработать с 01.01.2017 года. Но информация может быть получена даже за прошедшие десять лет. Сигнальный выстрел по “законному” отъёму валюты целиком зависит от ситуации на колониальном рынке сырья, который пока ещё худо-бедно кормит почти сто пятьдесят миллионов не очень нужного государству и особенно олигархам населения.

6. Небольшевизм живёт и побеждает... Россию

Сколько ни всматривайся в российский горизонт, обложенный плотными тучами недоверия к власти, а радостного просвета на нём как не было, так и нет. Мировая конъюнктура на рынке углеводородов, подарившая нам не одно

десятилетие счастливой беззаботности, кажется, навсегда сменила милость на гнев. Зато при ней мы как крыловская “попрыгунья стрекоза” нарочь разучились работать, а главное руководить экономикой. Ещё несколько лет можно надеяться на дармовой пирог золотовалютного резерва, а что потом? Как бы продержаться подольше, наверно, в этом главная думка не старых ещё, но уже и не юных отцов нации. Где бы раздобыть зарубежненьких денюжат, да так, чтоб не обидеть братьев олигархов, а главное, самих себя? И здесь умные головы, очевидно, старательно учившие в средней школе историю, вспомнили уроки нашей родной советской власти. Вспомнилось им, как предшественники в кожанках с помощью хитроумно созданных комитетов бедноты отбирали у крестьян всё, порой до последнего пудика, в том числе и семенного зерна. Справедливости ради стоит заметить, что подразвёрстка не является “ноухау” Советов. Ещё при царе – 29.11.1916 года управляющим министерства земледелия Александром Риттихом было подписано постановление “О развёрстке зерновых, хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной”. Осуществлялся этот грабёж с помощью казачьего “ОМОНа”, специализировавшегося на отборе хлеба у крестьян, не желавших продавать его по твёрдым ценам. Продолжило эту печальную практику и Временное правительство, выпустившее Закон о передаче хлеба в распоряжение государства от 25.03.1917 г. В основе его исполнения также были силовые методы. При этом к уровню нищеты низводилась и самая предримчивая часть крестьян, так называемые кулаки. И ничего, всем сошло с рук, даже воспрянувшая церковь не прокляла тех, кто уничтожал настоящего русского мужика на родной земле, а вместе с ним и священников. Всё в порядке. Церковь не прокляла, история если и осуждала, то не очень-то и решительно. Кровавый, но “очень добрый дедушка” Ленин, как и прежде, на самом святом месте Отечества – на Красной площади. А раз так, то почему бы и Егору Гайдару было не объегорить всех россиян, в том числе тех, кто всю жизнь провкалывал в нечеловеческих условиях на Крайнем Севере. Копил деньги себе и деткам на квартиры, чтобы хоть под старость доживать свой век в нормальных условиях, да ещё и с собственными “Жигулями”. Но благодаря реформе богатые “короли и королевы” Севера в одночасье превратились в бедных “золушек”, оставшихся умирать в климате, при котором канадцы не живут более нескольких месяцев в году, работа только вахтовым методом. А автомобили их мечты превратились если не в тыквы, то не более чем в стиральные машины и пылесосы “Ракета”. Не говорю уж о миллионах сгинувших заводчан, в том числе и занятых на оборонных предприятиях. При Ельцине не оплачивали даже и государственные заказы.

Господь рано забрал к себе бывшего молодого премьера Егора Гайдара, и это, наверное, был знак. В земной же жизни к его деяниям и деяниям его шефа – первого президента – так и не выработано однозначного отношения, которого они заслуживают. Благодаря начатому Никитой Сергеевичем Михалковым разговору о сверхдорогом, но неправдивом ельцинском музее в Екатеринбурге, радио “Комсомольской правды” провело голосование по отношению россиян к Ельцину. 95% слушателей высказали буквально презрительное отношение к его деяниям. Но у нас это вряд ли повлияет даже и на работу “лжемuzeя”. Понятия добра и зла, истины и лжи в постперестроечной России никто не различает, а главное, и различать не хочет. А значит, как сказано у Достоевского о жизни без Бога: “Позволено все”. Увоенные уроки жуткой истории сводятся к тому, кого сегодня назначить “кулаком” или “северянином” и по чьим законам прогуляться “госкосе”, врученной “хлопцам”-налоговикам в первую очередь.

Самое, казалось бы, очевидное – это “жирные олигархи”, которые всегда под рукой. А раз под рукой – значит, свои, ручные, да и денежки-то у многих из них, скорей всего, общакковые с “братками”-чиновниками. А если кто-то из них не совсем свой, то трогать всё равно опасно, побегут ведь денежки стремительным потоком в гостеприимную для них границу, а многочисленные армии юристов и адвокатов – в международные суды, где постараются в обиду “всенародно любимых” олигархов не давать. Но кроме нескольких десятков олигархов, есть ещё тысячи и тысячи, а может быть, и несколько миллионов предпринимателей – держателей валютных счетов как в России, так и за границей. Их-то, то есть нас, похоже, и наметили в ближайшие несколько лет объявить “неокулаками” и привычно, как и в первые годы советской власти и во времена гайдаровских времён, ободрать, как созревшую ягоду. Похоже, что сделают это “грамотно”, без лишнего шума и революционных потрясений, соблюдая полную видимость незаконности.